

Книги
ПОЛИНЫ САЙМОНС

Медный всадник
♦
Татьяна и Александр

Полина Саймонс

ТАТЬЯНА
И
АЛЕКСАНДР

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
С 14

Paullina Simons
TATIANA AND ALEXANDER
Copyright © 2005 by Paullina Simons
All rights reserved

Перевод с английского Ирины Иванченко

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-23779-7

© И. В. Иванченко, перевод, 2025
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

*Вновь посвящаю книгу
дедушке и бабушке, девяноста восьми и девяноста четырех лет,
которые продолжают сажать огурцы и цветы
и всю жизнь живут счастливо,
а также нашему хорошему другу Анатолию Студенкову,
оставшемуся в России и обделенному счастьем*

И, озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несется Всадник Медный
На звонко скачущем коне.
И во всю ночь безумец бедный,
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал.

Александр Пушкин

ПРОЛОГ

Бостон, декабрь 1930 года

Александр Баррингтон стоял перед зеркалом и завязывал красный галстук бойскаута. Вернее, он всего лишь пытался поправить его, поскольку не мог оторвать взгляд от своего лица, непривычно хмурого, с опущенными уголками рта. Именно сегодня он, суетливо теребя галстук, был не в состоянии толком завязать его.

Отойдя от зеркала, Александр со вздохом оглядел небольшую комнату. Ничего примечательного: деревянный пол, тусклые желтовато-коричневые обои, кровать, тумбочка.

Комната не имела значения. Это была не его комната. Это была съемная меблированная комната, вся мебель в которой принадлежала живущей внизу домовладелице. Его настоящая комната находилась не в Бостоне, а в Баррингтоне. Ему очень нравилась его старая комната, и никакая другая с тех пор не вызывала у него тех же чувств. За два года, прошедшие с того момента, как отец продал их дом и забрал Александра из Баррингтона, он сменил шесть разных комнат.

Теперь он покидал и эту комнату. Хотя это не имело значения.

Скорее, не это имело значение.

Александр снова взглянул в зеркало. Потом подошел к нему и, прижавшись к стеклу пылающим лицом, глубоко вздохнул и прошептал:

— Александр, и что теперь?

Его лучший друг Тедди считал отъезд Александра из страны самой волнующей на свете вещью.

Александр был решительно не согласен с ним.

Через приоткрытую дверь он слышал, как препираются мать с отцом. Он не придал этому значения. Они всегда спорили в стрессовых ситуациях. Наконец дверь открылась, и вошел его отец Гарольд Баррингтон.

— Сынок, ты готов? Внизу нас ожидает автомобиль. И там ждут твои друзья, чтобы попрощаться. Тедди спросил меня, не хочу ли я взять с собой его вместо тебя. — Гарольд улыбнулся. — Я ответил, что могу. Что скажешь, Александр? Хочешь поменяться местами с Тедди? Жить с его полоумной матерью и еще более полоумным отцом?

— Да, потому что мои родители такие разумные, — ответил Александр.

Отличительной чертой худощавого невысокого Гарольда был твердый подбородок на квадратном лице. В свои сорок восемь лет он неплохо выглядел. Его светло-каштановые волосы начали седеть, но не поредели, а голубые глаза смотрели пронзительно. Александру нравилось, когда отец был в хорошем настроении, и тогда его глаза отчасти теряли свое серьезное выражение.

Оттолкнув Гарольда в сторону, в комнату стремительно вошла мать Александра Джейн Баррингтон, одетая в свое лучшее шелковое платье, со шляпкой-таблеткой на голове.

— Гарри, оставь мальчика в покое. Видишь, он старается подготовиться. Машина подождет. Как и Тедди с Белиндой. — Она пригладила густые и длинные темные волосы, убранные под шляпку; в речи Джейн еще оставались следы округлого итальянского акцента, от которого она не смогла полностью избавиться, с тех пор как в семнадцать приехала в Америку. — Знаешь, мне никогда не нравилась эта Белинда, — понизив голос, сказала Джейн.

— Знаю, мама, — отозвался Александр. — И поэтому мы уезжаем из страны, да?

Он посмотрел на их отражение в зеркале. Внешнее сходство с матерью бросалось в глаза, однако он надеялся, что по характеру больше похож на отца. Пока он толком этого не знал. Мать смешила его, отец приводил в замешательство.

— Папа, я готов, — произнес Александр.

К ним подошел Гарольд и положил руку на плечо сына:

— А ты считал приключением клуб бойскаутов.

Этот клуб много значил для Александра.

— Папа... — начал он, глядя не на отца, а в зеркало, — если у нас там не сложится... мы сможем вернуться, правда? Мы сможем вернуться в... — Он замолчал, не желая, чтобы отец услышал дрожь в его голосе, и, глубоко вздохнув, закончил: — В Америку?

Гарольд не ответил, и Джейн подошла к Александру, стоявшему теперь между родителями: мама на небольших каблуках на три дюйма выше отца, который был на добрых полтора фута выше Александра.

— Скажи мальчику правду, Гарольд. Он заслуживает того, чтобы знать ее. Скажи ему. Он достаточно взрослый.

Гарольд вздохнул.

— Нет, Александр. Мы не вернемся. Мы намерены сделать Советский Союз нашим постоянным домом. В Америке места для нас нет.

Александру хотелось возразить, что для него здесь есть место. У Александра всегда было свое место в Америке. Тедди и Белинда были его друзьями с трех лет. Он вырос в Баррингтоне, крошечном городке, где дома с черными ставнями были увенчаны крышами, обшитыми белым гонтом. Там были три церкви со шпилями и короткая главная улица, протянувшаяся на четыре квартала от одного края городка до другого. В лесах вблизи Баррингтона прошло счастливое детство Александра. Но он знал, что отец не хочет этого слышать, поэтому ничего не сказал.

— Александр, мы с твоей матерью абсолютно уверены в том, что для нашей семьи это правильное решение. Впервые в жизни мы наконец сможем делать то, во что верим. Мы больше не станем впустую болтать о коммунистических идеалах. Легко рассуждать о переменах, живя в полном комфорте, правда? Что ж, теперь мы намерены жить согласно нашим убеждениям. Ты ведь знаешь, за это я боролся всю свою сознательную жизнь. Все произошло на твоих глазах. Ты видел меня. И свою маму тоже.

Александр кивнул. Он видел, как они живут. Отца и мать не раз арестовывали за их принципы. Он навещал отца в тюрьме.

В Баррингтоне к ним относились настороженно. В школе над ним смеялись. Он постоянно ввязывался в драки, защищая принципы отца. Он видел, как мать стоит рядом с отцом в пикете на акции протеста. Как-то раз они втроем отправились в Вашингтон, округ Колумбия, на парад гордости коммунистов перед Белым домом. Там их тоже арестовали. Александр, которому было семь лет, провел ночь в центре заключения для несовершеннолетних нарушителей. Но, с другой стороны, он был единственным мальчиком из Баррингтона, побывавшим у Белого дома.

Он считал, что они многим пожертвовали. Он считал, что, порвав с семьей и отказавшись от дома, бывшего родовым гнездом Баррингтонов на протяжении восьми поколений, они уже принесли большую жертву. Он считал, что, ютясь в тесных съемных комнатах в шумном и пыльном Бостоне и распространяя социалистические идеи, они пожертвовали многим.

Очевидно, нет.

Честно говоря, скорый переезд в Советский Союз явился для Александра сюрпризом, и вовсе не приятным. Но его отец верил в правильность своего выбора. Его отец считал, что Советский Союз — это та страна, где они почувствуют себя на своем месте, где над Александром не будут смеяться, где им будут рады, где ими будут восхищаться, а не сторониться и насмехаться. Та страна, где они превратят свое бессмысленное прозябание в жизнь, наполненную смыслом. В новой России власть принадлежала трудящимся, и трудящийся станет царем. Веры отца для Александра было достаточно.

Мама прижалась ко лбу Александра ярко накрашенными губами, оставив жирную отметку, которую потом стерла, но не до конца.

— Ты ведь знаешь, милый, что твой отец хочет, чтобы ты научился правильным вещам и вырос правильным человеком?

Немного дерзко Александр ответил:

— Это не совсем про меня, мама...

— Нет! — твердым голосом произнес Гарольд, держа сына за плечо. — Это все про тебя, Александр. Сейчас тебе всего

одиннадцать, но скоро ты станешь мужчиной. И этот мужчина проживет одну-единственную жизнь, другой у него не будет. Я еду в Советский Союз, чтобы сделать из тебя правильного человека. Ты, сынок, мое единственное наследие, которое я оставляю миру.

— В Америке тоже много мужчин, папа, — заметил Александр. — Герберт Гувер, Вудро Вильсон, Кэлвин Кулидж.

— Да, но их нельзя назвать хорошими людьми. Америка порождает алчных и эгоистичных, заносчивых и мстительных людей. Я не хочу, чтобы ты стал таким.

— Александр, — подхватила мать, — мы хотим, чтобы ты приобрел те положительные черты, которых нет у жителей Америки.

— Это верно, — согласился Гарольд. — Америка делает людей слабыми.

Александр отошел от родителей, не отрывая взгляда от своего хмурого отражения в зеркале. Именно на себя он смотрел, когда они вошли. Рассматривая свое лицо, он думал: «Каким я стану мужчиной, когда вырасту?» Кивнув отцу, он сказал:

— Не беспокойся, папа. Ты будешь гордиться мной. Я не буду алчным, эгоистичным, заносчивым и мстительным. Я буду исключительно сильным человеком. Поехали. Я готов.

— Я не хочу, чтобы ты стал сильным человеком, Александр. Я хочу, чтобы ты стал хорошим человеком. — Гарольд помолчал. — Лучше меня.

Когда они выходили, Александр обернулся и в последний раз взглянул на свое отражение в зеркале. «Я не хочу забывать этого мальчика, — подумал он, — если мне когда-нибудь понадобится вернуться к нему».

Стокгольм, май 1943 года

«Пора на что-то решиться, — подумала восемнадцатилетняя Татьяна, проснувшись одним прохладным летним утром. — Я не могу больше так жить». Она встала с кровати, умылась, расчесала волосы, собрала книги и немногие предметы одежды и вы-

шла из номера отеля, оставив его совершенно чистым, словно и не прожила в нем больше двух месяцев. Белые шторы то вздувались, то опадали от неумолимо дующего сквозняка.

И эту неумолимость она ощущала внутри себя.

Над столом висело овальное зеркало. Прежде чем уложить волосы, Татьяна пристально посмотрела на себя. На нее глядело лицо, которое она больше не узнавала. Детская округлость исчезла, уступив место удлинённому овалу с напряженными скулами, высоким лбом, твердым подбородком и сжатыми губами. Прошло уже много времени с тех пор, как она смеялась, демонстрируя красивые зубы и ямочки на щеках. Шрам на щеке от осколка разбитого лобового стекла зажил, осталась лишь тонкая розовая полоска. Веснушки тоже поблекли, но вот свои глаза Татьяна узнавала с трудом. Ее некогда сверкающие зеленые глаза казались на бледном лице единственными прозрачными барьерами между чужаками и ее душой. И эти глаза наводили ужас. Она не осмеливалась поднимать взгляд на людей. Она не могла даже смотреть на себя. Один взгляд в зеленый океан — и становилось понятным, какие бури бушуют за хрупкой оболочкой.

Татьяна расчесала свои платиновые волосы, доходящие до лопаток. Она перестала ненавидеть свои волосы.

Как могла она ненавидеть свои волосы, если Александр так сильно их любил!

Она не станет об этом думать. Ей хотелось обрезать волосы, совсем коротко, как шерсть у ягненка, которого ведут на заклание; ей хотелось не только остричь волосы, но и вырвать глаза, зубы, выдрать артерии из горла.

Завязав волосы в пучок на макушке, Татьяна надела сверху косынку, чтобы привлекать как можно меньше внимания, хотя в Швеции, где полно белокурых девушек, ей легко было потеряться в толпе.

Определенно, она стала такой.

Татьяна понимала, что пора идти, но у нее не было ни малейшего желания двигаться вперед. Она была беременна, однако родить ребенка в Швеции, как и в Америке, было несложно.

Она могла бы остаться. Ей не пришлось бы перемещаться по незнакомой стране, доставать пропуск на грузовое судно, идущее в Британию, а потом путешествовать через океан в Соединенные Штаты в разгар войны. Немцы ежедневно обстреливали северные воды, взрывали торпедами подлодки союзников и корабли оцепления, превращая их в гигантские факелы, окруженные черным дымом, и нарушая безмятежность Ботнического залива и Балтийского моря, Арктики и Атлантики. Чтобы остаться в безопасном Стокгольме, от нее не требовалось особых усилий, — ничего сверх того, что она делала.

И что же она делала?

Она повсюду видела Александра.

Куда бы она ни шла, где бы ни сидела, стоило ей повернуть голову направо, и он возникал перед ней, глядя на нее и улыбаясь, высокий, в офицерской форме, с винтовкой на плече. Она протягивала руку, прикасаясь к пустоте, словно прикасаясь к белой подушке, на которой видела его лицо. Она поворачивалась к нему и разламывала хлеб, сидя на скамье и глядя, как он уверенным шагом переходит улицу и идет к ней. Она следовала по пятам за широкоплечими шведами, идущими размашистым шагом, и невежливо всматривалась в лица незнакомцев, потому что в каждом ей мерещился Александр. А потом она прищуривалась, и он пропадал. И она тоже пропадала. Она опускала взгляд и шла дальше.

Она подняла глаза к зеркалу. За ее спиной стоял Александр. Он убрал пряди с ее шеи и наклонился к ней. Она не ощущала его запаха, не чувствовала его губ на своей коже. Но ее глаза видели его, она почти чувствовала, как щекочут ее шею его темные волосы.

Татьяна закрыла глаза.

Она, как обычно, позавтракала в кафе «Спивак»: две порции бекона, две чашки черного кофе, три яйца пашот. Она делала вид, что читает английскую газету, купленную в киоске через улицу. Делала вид, поскольку смысл слов не доходил до нее. Ближе к вечеру, когда она успокаивалась, чтение шло лучше. Выйдя из кафе, она пошла к грузовому причалу, где села на скамью

и стала наблюдать, как шведские портовые рабочие грузят на баржи типографскую бумагу для отправки в Хельсинки. Татьяна не отрываясь смотрела на одного докера. Она знала, что через несколько минут он отойдет поболтать с друзьями, находящимися в пятидесяти метрах от него. Он перекурит и выпьет чашку кофе. Его не будет на барже тринадцать минут. Он оставит крытую баржу, соединенную настилом с грузовым судном, без присмотра.

Через тринадцать минут он вернется и продолжит погрузку бумаги из грузовика, перевоза ее по настилу на ручной тележке. Через шестьдесят две минуты появится капитан баржи, докер поприветствует его и отвяжет канаты. И капитан поведет баржу по растаявшему Балтийскому морю в Хельсинки.

Татьяна наблюдает за ним уже семьдесят пять дней.

От Хельсинки до Выборга всего четыре часа хода. И Татьяна узнала из английских газет, которые покупала ежедневно, что Выборг — впервые с 1918 года — был возвращен Советам. Красная армия отобрала у финнов российские территории Карелии. Баржей по морю в Хельсинки, грузовиком через леса до Выборга — и она тоже окажется в руках Советов.

— Иногда мне хочется, чтобы ты не была такой вредной, — говорит Александр.

Ему удалось получить трехдневный отпуск. Они в Ленинграде. В последний раз они в Ленинграде вместе — их последнее всё.

— Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала!

— Да, была бы ты не такой вредной. — Он досадливо фыркает. — Есть женщины, которые слушаются своих мужчин. Я таких видел. У других мужчин...

Она щекочет его. Ему не смешно.

— Ладно. Скажи, что делать. — Она на два тона понижает голос. — Я поступлю, в точности как скажешь.

— Немедленно уезжай из Ленинграда и возвращайся в Лазарево. Поезжай в безопасное место.

Татьяна закатывает глаза:

— Перестань! Я знаю, ты умеешь играть в эту игру.

— Да, умею. — Александр сидит на старом диване ее родителей. — Просто не хочу. Ты не слушаешь, когда я говорю тебе о важных вещах...

— Никакие это не важные вещи, — возражает Татьяна, опускаясь перед ним на колени и беря его за руки. — Если за мной придет НКВД, я буду знать, что тебя нет, и с радостью встану к стенке. — Она сжимает его руки. — Я встану к стенке как твоя жена, не сожалея ни об одном мгновении, проведенном с тобой. Так что позволь мне остаться здесь. Позволь мне еще раз вдохнуть твой запах, прикоснуться к тебе, поцеловать тебя еще раз. Сыграй со мной в мою игру, какими бы горестными ни казались наши объятия в замерзающем Ленинграде. Сотвори чудо — ляг со мной. Скажи, что делать, и я сделаю.

Александр тянет ее за руку:

— Иди сюда. — И раскрывает объятия. — Сядь ко мне на колени.

Она подчиняется.

— Теперь положи ладони мне на лицо.

Она подчиняется.

— Прижмись губами к моим глазам.

Она подчиняется.

— Поцелуй меня в лоб.

Она подчиняется.

— Поцелуй меня в губы.

Она подчиняется. И вновь подчиняется.

— Таня...

— Ш-ш-ш.

— Разве не видишь, я погибаю.

— А-а-а, — произносит она. — Пока еще ты цел и невредим.

Она сидела, наблюдая за докером, в солнечные дни и в дождливые дни. И когда был туман, а в восемь часов по утрам он был почти всегда.

Это утро не было похоже на другие. Это утро было холодным. На причале пахло водой и свежей рыбой. Над головой кричали чайки, раздавался голос человека.

«Где мой брат, который помог бы мне, где моя сестра, моя мать? Паша, помоги, укрой в лесу, где я могу тебя найти! Даша, смотри, что случилось! Видишь? Мама, мама! Мне нужна моя мама. Где мои родные, которые расспрашивали бы меня обо всем, докучали бы мне, не оставляя в одиночестве? Где они все, почему не помогают мне справиться с этим? Деда, что мне делать? Я не знаю, что делать».

В это утро докер, вместо того чтобы пойти к друзьям на соседний причал на перекур и кофе, перешел дорогу и сел рядом с ней на скамью.

Это ее удивило. Но она ничего не сказала, только плотнее запахнулась в белый халат медсестры и поправила на голове косынку.

— Меня зовут Свен, — сказал докер на шведском. — А как тебя зовут?

— Татьяна, — после долгой паузы ответила она. — Я не говорю по-шведски.

— Хочешь сигарету? — спросил он по-английски.

— Нет, — ответила она тоже по-английски.

Она собиралась сказать ему, что плохо говорит по-английски. Не было сомнения, что он не говорит по-русски.

Тогда он спросил, не принести ли ей кофе или что-нибудь теплое, чтобы накинуть на плечи. Нет и нет. Она не смотрела на него.

Свен немного помолчал.

— Ты хочешь попасть на баржу, да? Пойдем. Я отведу тебя. — Он взял ее за руку, но Татьяна не сдвинулась с места. — Вижу, ты что-то здесь оставила. — Он осторожно потянул ее за собой. — Пойди и принеси.

Татьяна не пошевелилась.

— Возьми сигарету, возьми кофе или садись на баржу. Я даже не отвернусь. Не обязательно пробираться украдкой мимо меня. Я пустил бы тебя и в первый раз, когда ты пришла сюда. Стоило просто попросить. Хочешь попасть в Хельсинки? Отлично. Я знаю, ты не финка. — Свен помолчал. — Однако ты беременна, и тебе скоро рожать. Два месяца назад тебе было бы

легче. Но необходимо либо вернуться, либо идти вперед. Сколько еще ты намерена сидеть здесь и глазеть на мою спину?

Татьяна пристально вглядывалась в Балтийское море.

— Если бы знала, стала бы я здесь сидеть?

— Не сиди здесь больше. Пошли, — сказал докер, но она покачала головой. — Где твой муж? Где отец твоего ребенка?

— Умер в Советском Союзе, — выдохнула Татьяна.

— А-а-а, ты из Советского Союза. — Он кивнул. — Тебе удалось убежать? Что ж, ты сейчас здесь, так что оставайся. Оставайся в Швеции. Сходи в консульство, получи статус беженца. К нам прибывают сотни людей из Дании. Сходи в консульство.

Татьяна покачала головой.

— Скоро у тебя родится ребенок, — сказал Свен. — Возвращайся или двигайся вперед.

Татьяна положила руки на живот. Ее взгляд остекленел.

Докер осторожно похлопал ее по плечу и встал:

— Что с тобой будет? Ты хочешь вернуться в Советский Союз? Зачем?

Татьяна не ответила. Как рассказать ему, что ее душа осталась там?

— Если вернешься туда, что с тобой произойдет?

— Скорее всего, умру, — еле слышно прошептала она.

— Если пойдешь вперед, что с тобой произойдет?

— Скорее всего, выживу.

Он захлопал в ладоши:

— Ну и какой у тебя выбор? Ты должна идти вперед.

— Да, — сказала Татьяна, — но как мне здесь жить? Посмотри на меня. Думаешь, если бы я могла, то не стала бы стараться?

— Итак, ты здесь, в стокгольмском чистилище, изо дня в день наблюдаешь, как я грузю бумагу, смотришь, как я курю. Что ты собираешься делать? Сидеть со своим ребенком на скамейке? Ты этого хочешь?

Татьяна молчала.

Она сидела на скамье и ела мороженое, когда впервые заметила Александра...

— Двигайся вперед.

— У меня нет никакого желания.

— Есть. — Он кивнул. — Оно просто спрятано. Для тебя это зима. — Он улыбнулся. — Не волнуйся. Наступило лето. Лед растает.

Татьяна с трудом поднялась со скамьи. Уходя, она сказала по-русски:

— Это уже не лед, мой философ-мореход. Это погребальный костер.

Книга первая

ВТОРАЯ АМЕРИКА

Саймонс П.

С 14 Татьяна и Александр : роман / Полина Саймонс ; пер. с англ. И. Иванченко. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 640 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-23779-7

Они встретились и полюбили друг друга в первый день войны. И эта великая разлучница заставила их расстаться на годы — Александра, сына американских коммунистов, переехавших в Советский Союз, и русскую девушку Татьяну. Александр никогда не считал эту страну своей, но пошел воевать за нее, и воевал храбро, однако его арестовали и осудили как шпиона и предателя. Справедливости ждать не приходилось, а иной приговор был ужаснее смерти... Татьяне чудом удалось бежать на Запад. Она начинает новую жизнь в Нью-Йорке, но не в силах забыть любимого, хотя уверена... почти уверена, что он погиб. Между ними словно существует незримая связь. Чтобы найти его след, хрупкая женщина совершает невероятное... Можно ли победить отчаяние и переломить судьбу одной лишь силой любви?

«Татьяна и Александр» — второй роман захватывающей трилогии Полины Саймонс, американской писательницы, которая родилась в Советском Союзе в 1963 году и через десять лет вместе с семьей уехала в США. Спустя многие годы Полина вернулась в Россию, чтобы найти материалы для своей книги и вместе с героями пройти сквозь тяжкие испытания, выпавшие на их долю.

Книга выходит в новом переводе.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ПОЛИНА САЙМОНС
ТАТЬЯНА И АЛЕКСАНДР

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Елена Терскова, Анастасия Келле-Пелле

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.12.2024.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 39,2. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, г. Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А. Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А. Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ABB-32735-01-R